

ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ПОЭТИКУ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Может быть, вопрос о том, почему нужно изучать поэтику столь далекой от современности древнерусской литературы, надо было поставить в начале книги, а не в ее конце. Но дело в том, что в начале книги ответ на него был бы слишком длинным... К тому же он приводит нас к другому, гораздо более сложному и ответственному вопросу — о смысле эстетического освоения культур прошлого вообще.

Эстетическое изучение памятников древнего искусства (и в том числе литературы) представляется мне крайне важным и актуальным. Мы должны поставить памятники культуры прошлого на службу будущему. Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками. Вопросы истолкования культур и отдельных цивилизаций привлекают сейчас во всем мире внимание историков и философов, историков искусств и литературоведов.

Но прежде — о некоторых особенностях развития культуры.

История культуры резко выделяется в общем историческом развитии человечества. Она составляет особую, красную нить в свитой из множества нитей мировой истории. В отличие от общего движения «гражданской» истории, процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей. Лучшие произведения культуры, и, в частности, лучшие произведения литературы, продолжают участвовать в жизни человечества. Писатели прошлого, поскольку их продолжают читать и они продолжают свое воздействие, — наши современники. И надо, чтобы этих наших хороших современников было побольше. В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения.

Преемственность культурных ценностей — их важнейшее свойство. «История есть не что иное, — писал Ф. Энгельс, — как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предше-

ствующими поколениями...»¹. По мере развития и углубления наших исторических знаний, умения ценить культуру прошлого человечество получает возможность опереться на все культурное наследие. Ф. Энгельс писал, что без расцвета культуры в рабовладельческом обществе оказалось бы невозможным «все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие...»². Все формы общественного сознания, обусловленные в конечном счете материальным основанием культуры, в то же время непосредственно зависят от мыслительного материала, накопленного предшествующими поколениями, и от взаимного влияния друг на друга различных культур.

Вот почему объективное изучение истории литературы, живописи, архитектуры, музыки так же важно, как и самое сохранение памятников культуры. При этом мы не должны страдать близорукостью в отборе «живых» памятников культуры. В расширении нашего кругозора, и в частности эстетического,— великая задача историков культуры различных специальностей. Чем интеллигентнее человек, тем больше он способен понять, усвоить, тем шире его кругозор и способность понимать и принимать культурные ценности — прошлого и настоящего. Чем менее широк культурный кругозор человека, тем более он нетерпим ко всему новому и «слишком старому», тем более он во власти своих привычных представлений, тем более он косен, узок и подозрителен. Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры — развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накаплять, воспринимать их эстетическую ценность. Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей. И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма. Это развитие терпимости в хорошем смысле этого слова, миролюбия, уважения к человеку, к другим народам.

Напомню некоторые факты. Средние века были лишены чувства истории, они не понимали античности или понимали ее только в собственном аспекте. Если средние века и обращались к истории, то рядили ее в свои, современные им одежды. Величие эпохи Возрождения было связано с открытиями ценности античной культуры, в первую очередь — ее эстетической ценности. Открытия нового в ста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 44—45.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. С. 185—186.

ром сопутствовали движению вперед и развитию гуманизма. Создатели подлинных ценностей всегда справедливы к своим предшественникам. Один из наиболее ярких представителей итальянской скульптуры и ее реформаторов Николо Пизано был влюблена в античность. Чуткость к художественным достижениям своих предшественников характеризует Джотто, с именем которого связан крупнейший новаторский переворот в живописи XIII—XIV вв. Известно, что впоследствии, в XVIII в., расширение в эстетическом понимании античного искусства, связанное с деятельностью Винкельмана и Лессинга, привело не только к собиранию и сохранению памятников античности, но и к перевороту в современном им искусстве и к новому развитию гуманизма и терпимости.

Движение мировой культуры к постепенному расширению понимания культур прошлого и инонациональных культур с целью обогащения культурного настоящего не было равномерным и легким. Оно встречало сопротивление и часто отступало назад. Раннее христианство ненавидело античность. Античная скульптура ассоциировалась с язычеством. Она напоминала об идолопоклонстве и безнравственном культе римских императоров. Ранние христиане, тая суеверный страх перед языческими богами, разбивали античные статуи, оправдывая свое варварство тем, что старики и старушки продолжали еще им поклоняться. Конная статуя Марка Аврелия сохранилась только потому, что ее приняли за статую святого императора-христианина Константина Великого. Сколько голов у лучших античных статуй было отбито по этим «идеологическим» соображениям, сколько произведений литературы утрачено безвозвратно. Новая религия, заступая место старой, всегда проявляла крайнюю нетерпимость к памятникам старой культуры, вела разрушительную деятельность. Иконоборческое движение, развившееся внутри старого христианства, также погубило тысячи шедевров старого искусства византийской живописи.

В Риме, на Капитолии, где находились мраморные храмы Юпитера и Юноны, была сделана в средние века каменоломня, и только великий Рафаэль, художник-новатор, стал первым вести там раскопки. Крестоносцы же, минувшие себя радикальными реформаторами жизни, разрушили Галикарнасский мавзолей и из его камней построили замок для порабощения завоеванной страны.

В истории мировой культуры особенно значительны культурные завоевания XIX в. Открытие богатства духов-

ной жизни прошлых эпох явилось одним из величайших завоеваний именно всей мировой культуры (в этом огромная заслуга принадлежит, в частности, Гегелю). Установление общности развития всего человечества, равноправия культур прошлого — все это достижения именно XIX в., свидетельства его глубокого историзма. XIX век вытеснил представления о превосходстве культуры Европы над всеми другими культурами. Конечно, в XIX в. многое было еще неясным, была внутренняя борьба различных точек зрения, и историзм XIX в. одерживал не одни только победы, а в XX в. стало даже возможным возрождение человеконенавистничества и появление фашизма.

Гуманитарные науки приобретают сейчас все большее и большее значение в развитии мировой культуры.

Стало банальным говорить о том, что в XX в. расстояния сократились благодаря развитию техники. Но, может быть, не будет трюизмом сказать, что они еще больше сократились между людьми, странами, культурами и эпохами благодаря развитию гуманитарных наук. Вот почему гуманитарные науки становятся важной моральной силой в развитии человечества.

Мы знаем, как пострадало человечество от стремления фашистов истребить инонациональные культуры, от нежелания признать за ними какую бы то ни было ценность. Истребление памятников культуры неевропейских цивилизаций достигло в период эпохи колониализма страшной силы. История мировой культуры даже в самых своих внешних проявлениях опустошена системой колониализма. «Европейские кварталы» Гонконга и других городов ничем не связаны с историей их стран. Это ииородные тела, отражающие нежелание их строителей считаться с культурой народа, его историей и свидетельствующие о стремлении утвердить превосходство господствующей нации над угнетенной — утвердить так называемый «интернациональный» американский стиль над всем многообразием местных архитектурных стилей и культурных традиций.

Сейчас перед мировой наукой стоит огромная задача — изучить, понять и сохранить памятники культур народов Африки и Азии, ввести их культуру в культуру современности¹.

Та же задача стоит и в отношении истории культуры прошлого нашей собственной страны.

¹ Об этом хорошо сказано в превосходной статье Н. И. Конрада «Заметки о смысле истории» // Вестник истории мировой культуры. 1961, № 2. См.: Он же. Запад и Восток. М., 1966.

Как же обстоит дело с изучением культурного наследия России первых семи-восьми веков ее существования? Умение ценить и понимать памятники русского прошлого пришло особенно поздно. В «Записках о московских достопамятностях» не кто иной, как Карамзин, говоря о селе Коломенском, даже не упоминает о всемирно известной сейчас церкви Вознесения. Он не понимал эстетической ценности храма Василия Блаженного, равнодушно отмечал гибель древних памятников Москвы. В. И. Григорович в 1826 г. в статье «О состоянии художеств в России» писал: «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами, приписываемыми каким-то Рублевым ... и прочим живописцам, жившим гораздо прежде царствования Петра: я сим похвалам мало доверяю... художества водворены в России Петром Великим»¹. XIX век не признавал живописи Древней Руси. Художников Древней Руси называли «богомазами». Только в начале XX в., главным образом благодаря деятельности И. Грабаря и его окружения, была открыта ценность древнерусского искусства, сейчас всемирно признанного и оказывающего плодотворное, новаторское влияние на искусство многих художников мира. Теперь репродукции с икон Рублева продаются в Западной Европе рядом с репродукциями с произведений Рафаэля. Издания, посвященные шедеврам мировой живописи, открываются воспроизведениями «Троицы» Рублева.

Однако, признав икону и отчасти зодчество Древней Руси, западный мир еще не раскрыл в культуре Древней Руси ничего другого. Культура Древней Руси представляется поэтому только в формах «немых» искусств, и о ней говорят как о культуре «интеллектуального молчания»².

Отсюда ясно, что раскрытие эстетической ценности памятников словесного искусства Древней Руси, искусства, которое никак не может быть признано «молчаливым», — задача очень большой важности. Попытки раскрыть эстетическую ценность древнерусской литературы были сделаны Ф. И. Буслаевым, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием, В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, внесшими огромный вклад в понимание древнерусской литературы

¹ Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 9—11.

² См. об этом в статье проф. Джеймса Биллингтона «Images of Moscow» (*Slavic Review*, 1962, № 3). Культура Древней Руси, утверждает Дж. Биллингтон, не получила продолжения в культуре новой России и оказалась чуждой и непонятной в последующей послепетровской России, чем, в частности, якобы и объясняется то пренебрежение, в котором находятся памятники ее культуры.

как искусства. Но предстоит сделать многое в изучении ее поэтики.

Это изучение должно начинаться с обнаружения ее эстетического своеобразия. Необходимо начинать с того, что отличает древнерусскую литературу от литературы новой. Надо останавливаться по преимуществу на различиях, однако научное изучение должно основываться на убеждении в познаваемости культурных ценностей прошлого, на убеждении в возможности их эстетического освоения. В этом эстетическом освоении древнерусской литературы, разумеется, должна принадлежать ведущая роль изучению поэтики, но ни в коем случае нельзя ею ограничиваться. Анализ художественный неизбежно предполагает анализ всех сторон литературы: всей совокупности ее устремлений, ее связей с действительностью. Всякое произведение, выхваченное из своего исторического окружения, так же теряет свою эстетическую ценность, как кирпич, вынутый из здания великого архитектора. Памятнику прошлого, чтобы стать по-настоящему понятым в его художественной сущности, надо быть детально объясненным со всех его, казалось бы, «нехудожественных» сторон. Эстетический анализ памятника литературы прошлого должен основываться на огромном реальном комментарии. Нужно знать эпоху, биографии писателей, искусство того времени, закономерности историко-литературного процесса, язык — литературный в его отношениях к нелитературному, и пр. и пр. Поэтому изучение поэтики должно основываться на изучении историко-литературного процесса во всей его сложности и во всех его многообразных связях с действительностью. Специалист по поэтике древнерусской литературы должен быть одновременно и историком литературы, знатоком текстов, рукописного наследия в его целом.

Проникая в эстетическое сознание других эпох и других наций, мы должны прежде всего изучить их различия между собой и их отличия от нашего эстетического сознания, от эстетического сознания нового времени. Мы должны прежде всего изучать своеобразное и неповторимое, «индивидуальность» народов и прошлых эпох. Именно в разнообразии эстетических сознаний их особенная поучительность, их богатство и залог возможности их использования в современном художественном творчестве. Подходить к старому искусству и искусству других стран только с точки зрения современных эстетических норм, искать только то, что близко нам самим, — значит чрезвычайно обеднять эстетическое наследство.

Сознание человека обладает замечательной способностью проникать в сознание других людей и понимать его, несмотря на все его отличия. Больше того — сознание познает и то, что не является сознанием, что является иным по своей природе. Неповторимое не есть поэтому непостижимое. В этом проникновении в чужое сознание — обогащение познающего, его движение вперед, рост, развитие. Чем больше овладевает человеческое сознание другими культурами, тем оно богаче, тем оно гибче и тем оно действеннее.

Но способность к пониманию чужого не есть неразборчивость в принятии этого чужого. Отбор лучшего постоянно сопутствует расширению понимания других культур. При всех различиях эстетических сознаний существует между ними и нечто общее, делающее возможным их оценку и использование. Но обнаружение этого общего возможно лишь через предварительное установление различий.

В наше время изучение древней русской литературы становится все более и более необходимым. Мы понемногу начинаем осознавать, что решение многих проблем истории русской литературы ее классического периода невозможно без привлечения истории древней русской литературы.

Петровские реформы знаменовали собой переход от старого к новому, а не разрыв, появление новых качеств под влиянием тенденций, крывшихся в предшествующем периоде,— это ясно, как ясно и то, что развитие русской литературы от X в. и до наших дней представляет собой единое целое, какие бы повороты ни встречались на пути этого развития. Понять и оценить значение литературы наших дней мы можем только в масштабах всего тысячелетнего развития русской литературы. Ни один из вопросов, поднятых в этой книге, не может считаться решенным окончательно. Задача данной книги — наметить пути изучения, а не закрыть их для движения ученой мысли. Чем больше споров вызовет эта книга, тем лучше. А в том, что спорить нужно, сомневаться нет оснований, как нет оснований сомневаться и в том, что изучение древности должно вестись в интересах современности.